

83.3(2Poc=Phc)
T53 - 456,
TP

ТОЛСТОВСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ.

1912 г.

ИЗДАНІЕ
Общества Толстовскаго Музея въ Петербургѣ
и Толстовскаго Общества въ Москвѣ.
МОСКВА.

83.3 (2Рос-Рус)
T53

ТОЛСТОВСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ.

1912 г.

~~160501~~

Л 158472 - 1 т.п.

ИЗДАНІЕ

Общества Толстовского Музея въ Петербургѣ
и Толстовского Общества въ Москвѣ.

МОСКВА.

ТОПОГРАФІЯ
ЕКСПЛОРІНГ

1912 г.

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая ул., свой домъ.
Москва. — 1912.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Разсказываютъ, что когда въ числѣ многихъ другихъ на похороны Л. Н. Толстого собиралась депутація отъ казанскихъ студентовъ, то старикъ-сторожъ посовѣтовалъ имъ вмѣсто всякихъ вѣнковъ и крестовъ выкопать со университетскаго двора березку и посадить ее на могилѣ великаго писателя... «Будетъ она расти,— говорилъ мудрый старикъ,— пропустить корни къ гробу; потомъ станетъ шуршать надъ могилой... Покойнику какъ мило!»

Въ этой мысли простого человѣка лучше всего отражается назначеніе обществъ-музеевъ имени Л. Толстого. Напоминаніе о немъ, хотя бы отдаленное, какъ березка съ университетскаго двора, на которомъ самъ онъ росъ, является первой цѣлью и объяснительнымъ смысломъ этихъ общественныхъ начинаній.

Они невольно подражаютъ этой казанской березкѣ, посаженной въ бѣдную почву и въ суровыхъ условіяхъ атмосферы Россіи. Надо стараться, чтобы они все-таки росли и крѣпли, все глубже вырабатывая корни, захватывая то, что осталось отъ него, а потомъ движеньями вѣтвей и шуршаньемъ листьевъ напоминали и рассказывали о немъ тѣмъ, кто его не зналъ, не можетъ помнить. Та часть русского общества, которая чтитъ помять Льва Толстого и поклоняется его жизни, должна одинаково старательно какъ помогать росту корней, такъ и прислушиваться къ шороху молодыхъ листьевъ этой благоговѣйно посаженной и растущей надъ его могилою березки...

Рядомъ съ изданіями подлинниковъ и переписки Льва Николаевича (изъ которыхъ уже выпущена въ свѣтъ его замѣчательная переписка съ графиней Александрой Андреевной Толстой, а готовятся переписка со Страховымъ и съ Н. Н. Ге), Толстовскія общества (петербургское и московское) вырабатываютъ періодическое изданіе — Извѣстій, или Ежегодниковъ,

цѣль которыхъ—поддерживать память о Толстомъ и привлекать къ служенію этой памяти общественное вниманіе и общественные силы. Напоминаніемъ о себѣ и о собираемыхъ музеяхъ лучше всего обеспечится полнота этихъ хранилищъ, уже теперь очень богатыхъ реликвіями жизни Толстого. Остановливая разсѣянное вниманіе людей на его памяти, общества его имени служить будущимъ поколѣніямъ, въ то же время оправдывая долгъ почтительной заботливости, лежащей на его счастливыхъ современникахъ.

Такія изданія связываютъ нашу дѣятельность съ жизнью всего русского общества, отцѣживаются и впитываютъ въ себя все, что еще уцѣлѣло отъ дорогой жизни въ документахъ и живой памяти. Оно безцѣнно для будущихъ біографовъ. Оно дастъ возможность будущему человѣчеству понимать и чтить, увидѣть во весь ростъ, съ безчисленными подробностями и въ огромной полнотѣ жизнь и значеніе величайшаго изъ русскихъ писателей. Но не менѣе полноты важна достовѣрность. Легенда о Толстомъ уже слагается, и ея нельзя, а можетъ-быть и не надо, разрушать: усталый и мятущійся духъ человѣчества такъ нуждается въ утѣшениі. Но біографія Толстого и его писанія должны быть освобождены отъ апокрифовъ уже потому, что нельзя ничего придумать лучше подлинниковъ его жизни и его творчества. А сберегать все достовѣрное и опровергнуть вымыщенное надо съ самаго начала, раньше, чѣмъ затеряются подлинники и перемрутъ современники. Вотъ почему Толстовскія общества должны теперь же работать особенно энергично, привлекая сотрудничество и помошь всѣхъ, собирая всѣ остатки, пересматривая всѣ мелочи, чтобы не пропало что-либо важное. А для этого, повторяемъ, нужнѣе всего постоянно поддерживать обмѣнъ и общеніе между нашей дѣятельностью и вниманіемъ всего русского общества. Этой цѣли и служить настоящее изданіе.

Толстовскій Ежегодникъ за 1912 г. представляетъ второй томъ периодического изданія, предпринятаго лицами, соединившимися въ Петербургѣ въ «Общество Толстовскаго музея», а въ Москвѣ—въ «Толстовское Общество». Первый томъ уже появился: это три книги «Извѣстій Общества Толстовскаго музея» за 1911 годъ (№ 1, 2 и №№ 3, 4 и 5 въ одной книжѣ), изданныя въ С.-Петербургѣ. Настоящій томъ издается въ Москвѣ, но материалъ для него собранъ и обработанъ частью въ Москвѣ, частью въ Петербургѣ, при чемъ какова доля участія того или другого общества трудно

опредѣлить, да и не представляетъ интереса для читателей. Редактированіе ежегодника взяла на себя издательская комиссія при Толстовскомъ Обществѣ въ Москвѣ. Составъ ея слѣдующій: Предсѣдатель гр. С. Л. Толстой, секретарь Л. И. Гальберштадтъ, члены: А. Е. Грузинскій, Н. М. Ждановъ, П. И. Бирюковъ. Кромѣ того, въ ней принимали участіе предсѣдатель Московскаго Общества Н. В. Давыдовъ и товарищъ предсѣдателя Петербургскаго Общества М. А. Стакховичъ. Отъѣтственнымъ редакторомъ избранъ С. Л. Толстой.

Цѣль издателей этого тома такъ же, какъ и цѣль издателей «Ізвѣстій» состоить въ собираніи материаловъ по біографії Л. Н. Толстого, въ освѣщеніи его дѣятельности какъ писателя, мыслителя и общественнаго дѣятеля и въ освѣдомленіи обо всемъ, что въ текущей жизни и литературѣ связано съ его именемъ.

Помѣщая воспоминанія и записки разныхъ лицъ, знавшихъ Л. Н.—ча, редакція не можетъ, конечно, ручаться за полную точность приводимыхъ въ нихъ фактовъ и разговоровъ и оставляетъ ихъ на отвѣтственности авторовъ; однако, по возможности и въ общихъ чертахъ провѣривъ ихъ, редакція не сомнѣвается въ ихъ достовѣрности.

Вследствіе скучности средствъ, которыми располагаютъ Толстовскія Общества, всѣ права литературной собственности на опубликованный материалъ сохраняются за издателями. Желающіе перепечатать или перевести на иностранные языки что-либо благоволять обратиться къ правленію Толстовскаго Общества въ Москвѣ (Поварская, 18).

I. ИЗЪ ДНЕВНИКА ТОЛСТОГО.

II. МОЛИТВА ВНУЧКЪ СОНИЧКЪ.

Изъ дневника Л. Н. Толстого¹⁾.

(27 марта 1895 г.).

Мое завещание было бы приблизительно такое

(пока я не написалъ другого, оно вполнѣ такое):

1) Похоронить меня тамъ, гдѣ я умру, на самомъ дешевомъ кладбищѣ, если это въ городѣ, и въ самомъ дешевомъ гробу, какъ хоронятъ нищихъ. Цвѣтовъ, вѣнковъ не класть, рѣчей не говорить. Если можно, то безъ священниковъ и отпѣванія. Но если это непріятно тѣмъ, кто будетъ хоронить, то пускай хоронять, какъ обыкновенно съ отпѣваніемъ, но какъ можно подешевле и попроще.

2) Въ газетахъ о смерти не печатать и некрологовъ не писать.

3) Бумаги мои всѣ дать пересмотрѣть и разобрать моей женѣ, Черткову Влад. Григ., Страхову и дочерямъ Танѣ и

¹⁾ Помѣщаемая здѣсь выдержка изъ дневника Л. Н. Толстого есть первое его письменное завѣщательное распоряженіе. Пожеланія, выраженные въ этомъ дневнике, изложены имъ еще разъ въ дневнике 1907 г. Лишь въ сентябрѣ 1909 года, въ Крекшинѣ, Московской губ., онъ впервые написалъ формальное завѣщаніе, за подписью свидѣтелей.

Дневникъ 27-го марта 1895 года хранился въ трехъ экземплярахъ: одинъ—у покойной сестры моей, Маріи Львовны (Оболенской), одинъ—у В. Г. Черткова и одинъ—у меня. Копія, хранящаяся у меня, написана рукою кн. Н. Л. Оболенского (мужа моей сестры) и передана мнѣ имъ по порученію отца. Не знаю, гдѣ находится подлинникъ. Такъ какъ это завѣщаніе было довѣрено между прочимъ и мнѣ, я считаю себя въ правѣ его опубликовать. Перепечатывать его не запрещается.

Сергей Толстой,

*Машъ*¹⁾ (что замарано, то замараль я самъ. Дочерянье не надо этимъ заниматься) — тѣмъ изъ этихъ лицъ, которые будуть живы. Сыновей своихъ я исключаю изъ этого порученія не потому, что я не любилъ ихъ (я, слава Богу, въ послѣднее время все больше и больше любилъ ихъ) и знаю, что они любятъ меня, но они не вполнѣ знаютъ мои мысли, не слѣдили за ихъ ходомъ и могутъ имѣть свои особенные взгляды на вещи, вслѣдствіе которыхъ они могутъ сохранить то, что не нужно сохранять, и отбросить то, что нужно сохранить. Дневники моей прежней холостой жизни, выбравъ изъ нихъ то, что стоитъ того, я прошу уничтожить, — точно такъ же и въ дневникахъ моей женатой жизни прошу уничтожить все то, обнародованіе чего могло бы быть непріятно кому-нибудь. Чертковъ обѣщалъ мнѣ еще при жизни моей сдѣлать это. И при его незаслуженной мною большой любви ко мнѣ и большой нравственной чуткости, я увѣренъ, что онъ сдѣлаетъ это прекрасно. Дневники моей холостой жизни я прошу уничтожить не потому что я хотѣлъ бы скрыть отъ людей свою дурную жизнь, — жизнь моя была обычна дрянная жизнь безпринципныхъ молодыхъ людей, — но потому, что эти дневники, въ которыхъ я записывалъ только то, что мучило меня сознаніемъ грѣха, — производятъ должно одностороннее впечатлѣніе и представляютъ А впрочемъ, пускай остаются мои дневники, какъ они есть. Изъ нихъ видно по крайней мѣрѣ то, что, несмотря на всю пошлость и дрянность моей молодости, — я все-таки не былъ оставленъ Богомъ и хоть подъ старость сталъ хоть немного понимать и любить Его.

Все это пишу я не потому, чтобы приписывалъ большую или какую-либо важность моимъ бумагамъ, но потому, что впередъ знаю, что первое время послѣ моей смерти будутъ печатать мои сочиненія и разсуждать о нихъ и приписывать имъ важность. Если уже это такъ сдѣлалось, то пускай мои писанія не будутъ служить во вредъ людямъ.

Изъ остальныхъ бумагъ моихъ прошу тѣхъ, которые займутся разборомъ ихъ, печатать не все, а то только, что можетъ быть полезно людямъ.

1) Въ подлинникѣ слова: «и дочерянье Танѣ и Машѣ», зачеркнуты.

4) Право изданія моихъ сочиненій прежнихъ: десяти томовъ и азбуки, прошу моихъ наследниковъ передать обществу, т.-е. отказаться отъ авторскаго права. Но только прошу обѣ этомъ, а никакъ не завѣщаю. Сдѣлать это хорошо. Хорошо будетъ это и для васъ,—не сдѣлаете,—это ваше дѣло. Значитъ, вы не готовы этого сдѣлать. То, что мои сочиненія продавались эти послѣднія десять лѣтъ, было самымъ тяжелымъ для меня дѣломъ въ жизни.

5) Еще и главное, прошу всѣхъ и близкихъ и дальнихъ не хвалить меня (я знаю, что это будутъ дѣлать, потому что дѣлали и при жизни самымъ нехорошимъ образомъ), а если уже хотятъ заниматься моими писаніями, то вникнуть въ тѣ мѣста изъ нихъ, въ которыхъ, я знаю, говорила черезъ меня Божья сила, и воспользоваться ими для своей жизни. У меня были времена, когда я чувствовалъ, что становился проводникомъ воли Божией. Часто я былъ такъ нечистъ, такъ исполненъ страстями личными, что свѣтъ этой истины затемнялся моей темнотой, но все-таки иногда эта истина проходила черезъ меня, и это были счастливѣйшія минуты моей жизни. Дай Богъ, чтобы прохожденіе ихъ черезъ меня не осквернило этихъ истинъ, чтобы люди, несмотря на тотъ мелкій, нечистый характеръ, который онѣ получили отъ меня, могли бы питаться ими. Въ этомъ только значеніе моихъ писаній. И потому меня можно только бранить за нихъ, а никакъ не хвалить.

Вотъ и все.

(Подпись)

Левъ Николаевичъ просилъ еще написать здѣсь, что Страхова онъ разумѣлъ Николая Николаевича, теперь умершаго.

Молитва внучкѣ Соничкѣ.

Богомъ велѣно всѣмъ людямъ одно дѣло: то, чтобы они любили другъ друга. Дѣлу этому надо учиться.

А чтобы учиться этому дѣлу надо первое: не позволять себѣ думать дурное о комъ бы то ни было; второе: не говорить ни о комъ дурного и третье, не дѣлать другому того, чего себѣ не хочешь. Кто научится этому, тотъ будетъ любить всѣхъ людей, какие бы они ни были, и узнаетъ самую большую радость на свѣтѣ — радость любви. Буду же всѣми силами учиться этому.

15 іюля—9.

Mamuda ^{Bryson} *Camerun.*

ЗАПИСКИ и ВОСПОМИНАНІЯ
О Л. Н. ТОЛСТОМЪ.

Гр. С. А. Толстой, А. А. Стаковица,
Н. В. Давыдова, Г. А. Русанова,
А. Пѣшковой-Толивѣровой,
кр. Шишкина и ясно-полянскихъ
крестьянъ.

169501

Воспоминанія С. А. Толстой.

„Власть тьмы“.

(Отрывокъ изъ неизданной книги гр. С. А. Толстой «Моя жизнь»).

Лѣтомъ 1886 г. Левъ Николаевичъ возилъ сѣно для бѣдной вдовы и, ударившись ногой о телѣгу, долго послѣ страдалъ отъ этого ушиба, получивъ рожистое воспаленіе и другія осложненія. Ему долго пришлось лежать, и вотъ во время этого недуга онъ началъ писать драму: «Власть тьмы», раньше имъ задуманную. Сюжетъ этой драмы былъ взятъ изъ судебнаго дѣла, доставленнаго ему нашимъ близкимъ другомъ, Н. В. Д — мъ.

20-го октября было написано 1-е дѣйствіе. Тотчасъ же оно было все переправлено, перемарано, и я усердно принялась за свою обычную работу, — которую всегда ставила на первый планъ,—переписываніе произведеній Льва Николаевича. Въ то же время, обрадовавшись художественной работѣ, которую я любила и цѣнила выше всего, я особенно старательно берегла настроеніе Льва Николаевича. Такъ я пишу въ дневникъ свое мъ отъ 26-го октября:

«Буду внимательна, осторожна съ Львомъ Николаевичемъ, чтобы беречь его для любимой мной работы»...

Занимаясь весь день преподаваніемъ дѣтямъ и корректурами дешеваго, печатаемаго въ то время мною изданія, я цѣлыми вечерами до поздней ночи переписывала «Власть тьмы», по мѣрѣ того какъ писалась и многократно переправлялась эта драма. Помню, какой я испытывала восторгъ, когда былъ написанъ новый варіантъ драмы: сцена солдата, Митрича, съ дѣвочкой Анюткой. Я плакала, когда прочла ее въ первый разъ, и плакала не столько отъ того, что это было трогательно, сколько отъ глубокаго, художественнаго наслажденія. Не одна я радовалась художественной работѣ Льва Николаевича. Николай Николаевичъ Страховъ пишетъ ему:

«Художество, — самая свободная и глубокая форма, въ которой мы можемъ выражать свою душу,—находится вполнѣ въ вашей власти»...

Писать лежа, съ больной ногой было неудобно Льву Николаевичу, и потому онъ часто диктовалъ мнѣ эту драму. 30-го было написано 2-е дѣйствіе драмы, и вообще вся она создалась довольно быстро. Работу переписыванья пришлось потомъ передать моимъ дочерямъ: Танѣ и Машѣ, потому что меня вызвали въ Крымъ мои братья къ умирающей матери, скончавшейся 11-го ноября на моихъ рукахъ.

Въ ноябрѣ же, послѣ моего возвращенія домой, мы перѣехали въ Москву, и Левъ Николаевичъ, окончивъ свою драму, отдалъ ее въ наборъ сочувственной ему фирмѣ «Посредника», мечтая въ то же время отдать ее для постановки на народномъ театрѣ.

Еще до напечатанія ея, «Власть тьмы» читали всюду по рукописи. Даровитая актриса Савина прїѣзжала въ Москву просить у Льва Николаевича разрѣшенія поставить драму на петербургской сценѣ въ ея бенефисъ. Левъ Николаевичъ охотно согласился, но 2-го января 1887 года была получена отъ Савиной телеграмма, что пьеса эта запрещена цензурой, и не только для театра, но и для напечатанія. По этому поводу я написала недоумѣвающее письмо начальнику по дѣламъ печати, Феоктистову, который мнѣ отвѣчалъ длиннымъ письмомъ, объясняя, что въ «Власти тьмы» цинизмъ выраженій, невозможны для нервъ сцены и т. п. О томъ же, почему драма запрещена въ печати, не далъ мнѣ никакого отвѣта. Во мнѣ кипѣла злоба, хотѣлось ѿхать въ Петербургъ воевать, но я не могла оставить дѣтей въ отсутствіи дочери Тани и ея отца, гостившихъ тогда у гр. Олсуфьевыхъ, въ ихъ имѣніи близъ станціи Подсолнечное.

Вездѣ читали «Власть тьмы»; собрала и я цѣлое общество у себя и помня, какія интонаціи придавалъ Левъ Николаевичъ, читая вслухъ эту драму, я, подражая ему, сама прочла гостямъ «Власть тьмы». Помню среди гостей Льва Михайловича Лопатина, кн. Сергѣя Семеновича Урусова, Льва Ивановича Поливанова, фрейлину Ермолову и многихъ другихъ. Пишу обѣ этомъ вечерѣ Льву Николаевичу: «Мое чтеніе вчера, 5-го января, удалось вполнѣ. Было очень весело и пріятно потому, что чтеніе произвело на всѣхъ огромное впечатлѣніе, особенно на Льва Ивановича Поливанова. Онъ просто весь дрожалъ и говорилъ: «Это такъ ново, оригинально. Поразительно хорошо то, что всякое лицо говорить своимъ личнымъ, русскимъ языккомъ, а обыкновенно въ пьесахъ изъ народнаго быта всѣ говорять однообразнымъ языккомъ».

Въ своей гимназіи, на урокѣ, онъ говорилъ своимъ ученикамъ съ восторгомъ о «Власти тьмы», и прибавлялъ, что это будетъ одно изъ самыхъ крупныхъ явленій въ русской литературѣ.

Въ то же время, А. А. Стаковичъ въ Петербургѣ, извѣстный всѣмъ по своей любви къ театру и по прекрасному чтенію вслухъ, при-

шелъ въ преувеличенный восторгъ отъ этого — первого въ драматической формѣ — произведенія Льва Николаевича, и принялся всюду читать его съ горячимъ рвениемъ, послѣ чего длинно и подробно писалъ мнѣ о впечатлѣніяхъ, производимыхъ на всѣхъ этимъ чтеніемъ. Всюду восхищались этой драмой, и запрещеніе цензурой напечатанія ея возмущало все общество. Вѣроятно, это заставило Феоктистова одуматься, и онъ привезъ разрѣшеніе къ печати «Власти тьмы» моей сестрѣ, Т. А. Кузминской, для передачи мнѣ, послѣ чего мой хороший знакомый, М. А. С....ъ мнѣ пишетъ:

«Въ радости своей забывъ все, что было глупаго, досаднаго, непонятнаго въ этой неравной борьбѣ величайшаго писателя съ неизвестными судьями, — этого познающаго себя гenія съ непонимающими своихъ обязанностей — глупцами»...

Читаль А. А. Стаковицъ¹⁾ «Власть тьмы» въ самыхъ высокихъ слояхъ общества, при Великихъ Князьяхъ и, наконецъ, при Императорѣ Александрѣ III. Миѣ писали про Государя, что поразителенъ его русскій взглядъ на все и вѣрность чисто русскаго пониманія и сужденія. Когда дошло дѣло до солдата Митрича, Государь сказалъ: «Солдатъ во всѣхъ твореніяхъ Толстого идеально хороши и вѣренъ». Когда Великій Князь Владимиръ Александровичъ замѣтилъ, что рѣчь Митрича о бабахъ есть сужденіе и монологъ самого Толстого, Государь, какъ мнѣ передавали, опровергъ это мнѣніе словами:

«Разсужденія Митрича не монологъ Толстого, а весьма естественный разговоръ. Его на эту тему навела Анютка, и онъ подъ грустнымъ впечатлѣніемъ всей сцены думаетъ вслухъ, передаетъ всѣ свои нерадостныя мысли о бабахъ, о ихъ судьбѣ, вовсе не думая о своей 10-лѣтней слушательницѣ». Подъ конецъ Императоръ выразился о драмѣ такъ: «Чудная вещь».

Родственница Льва Николаевича, граф. Александра Андреевна Толстая, между прочимъ, пишетъ Льву Николаевичу: «Драма дѣйствуетъ прямо на совѣсть и полезна всѣмъ, въ томъ числѣ и мнѣ».

Одна изъ особъ Царской Фамиліи, лично знавшая Льва Николаевича, пришла въ такой восторгъ отъ драмы, что непремѣнно хотѣла вновь повидаться съ авторомъ ея. Она хлопотала о томъ, чтобы это произведеніе было пропущено цензурой, и говорила, что подобный перлы нельзя держать подъ спудомъ, а на сцену, непремѣнно на сцену...

Извѣстный критикъ и другъ нашей семьи, Николай Николаевичъ Страховъ, такъ писалъ о «Власти тьмы»:

«Давно я не испытывалъ такого свѣжаго, чистаго художественнаго впечатлѣнія. Видна та же сила, правда сценъ и характеровъ

¹⁾ Объ этомъ подробныя воспоминанія А. А. Стаковица въ этомъ же томѣ.

и рѣчей, далеко превосходящая силу другихъ писателей, всегда съ трудомъ сочиняющихъ свои сцены и разговоры...». И еще онъ пишетъ:

«Вы геніальный мастеръ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Если вы захотите произвести какое-нибудь впечатлѣніе, то производите его неотразимо... Вашъ Акимъ прелестъ, Марина блѣдна, Никита не интересенъ»...

Дальше Страховъ критикуетъ довольно строго, но пишетъ:

«Я восхищаюсь естественностью, краткостью и характерностью каждого разговора...» И еще: «Преступленія зрѣютъ постепенно и совершаются не въ порывѣ, не въ борьбѣ мысли, а подъ прямымъ вліяніемъ обстоятельствъ—на людей съ тупой совѣстью. Но вѣдь это и хорошо, это и есть правда, это и есть задача... Они дѣлаются простодушно людьми скверными, но не злодѣями во вкусѣ Шекспира или Вальтеръ Скотта»...

Интересно еще сужденіе Ильи Ефимовича Рѣпина. Онъ писалъ, что «драма оставляетъ глубокое нравственное, трагическое настроение. Это неизгладимый урокъ жизни». Но Рѣпинъ нападаетъ на сцену съ веревкой пьяного Митрича и на петлю, которую готовилъ себѣ Никита. Онъ выражался обѣ этомъ такъ:

«Это отвратительная сцена, и драка Никиты съ работникомъ за веревку просто кажется невозможной»...

Очевидно, эта сцена казалась грубой его тонкой, художественной натурѣ.

Успѣхъ этой драмы я лично приписываю той художественной правдѣ, которую безъ прикрасъ и компромиссовъ ярко и безпощадно, какъ настоящій художникъ, изобразилъ Левъ Николаевичъ. Вотъ онъ—народъ, и вотъ та «Власть тьмы», которая все еще царитъ среди него.

Много перипетій пережила эта драма, прежде чѣмъ ее познало все русское общество, несмотря на шумъ и успѣхъ, произведенные ею. 24-го января 1887 года, мнѣ писали изъ Петербурга:

«Ура! Драма на сцену пропущена. В..въ распределѣяль роли и шутиль, что Савиной надо ноги подрѣзать, если она хочетъ играть Анютку... Потомъ вдругъ, вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, у Савиной былъ отнятъ бенефисъ, и «Власть тьмы» запретили».

3-го февраля меня снова увѣдомили, что «рѣшено репетировать драму и самъ будетъ на генеральной репетиції»¹⁾. А. Потѣхинъ писалъ мнѣ 12-го марта, что ходятъ слухи о запрещеніи «Власти тьмы», и очень звалъ меня на генеральную репетицію, надѣясь, что мое присутствіе будетъ полезно въ цензурномъ отношеніи.

¹⁾ См. статью А. А. Стаковица.

Поѣхать въ Петербургъ мнѣ не пришлось и почему-то и тогда драма эта не была поставлена на Императорскомъ театрѣ. 22-го марта А. Потѣхинъ мнѣ снова пишетъ:

«Власть тьмы» срепетирована,—декорации, костюмы всѣ готовы, и вдругъ запретили ее играть черезъ Министерство Двора... Всѣ актеры ужасно огорчены...»

Но прежде чѣмъ «Власть тьмы» появилась на Императорскихъ и частныхъ театрахъ, ее превосходно сыграли въ 1890 году въ Петербургѣ любители изъ общества. Иниціатива постановки этой драмы принадлежала госпожѣ Приселковой. Сама она играла роль Аниси такъ хорошо, что А. С. Суворинъ въ своемъ отзывѣ, напечатанномъ въ то время въ газетѣ «Новое Время», пишетъ о ней, что «она женщина съ рѣшительнымъ дарованіемъ. Она поражаетъ глубокой правдивостью исполненія. Передъ вами вполнѣ живое лицо, такое яркое и интересное сначала и до конца, что его не забудешь»...

Очень хвалилъ Суворинъ и игру госпожи Давыдовой, супруги актера Давыдова, который ставилъ и режиссировалъ драму у Приселковыхъ,—въ слѣдующихъ словахъ:

«Безукоризненно прекрасно сыграла роль Матрены г-жа Да-выдова; удивительно вѣрный тонъ, настоящая фигура; мимика и произношеніе прекрасныя».

Поразила всѣхъ талантливая игра 10-лѣтней дѣвочки Оли, исполнявшей роль Аньотки съ удивительнымъ пониманіемъ. Мужскія роли были также исполнены вполнѣ удовлетворительно. Подъ конецъ своей статьи, Суворинъ пишетъ: «Вѣдь никто не ожидалъ такого исполненія, и вдругъ такое талантливое и дружное исполненіе...» Суворинъ выражаетъ большое недоумѣніе передъ запретомъ ставить на Императорскомъ и другихъ театрахъ «Власть тьмы». Онъ пишетъ, что это недоразумѣніе, что драма производить потрясающее и глубоко-нравственное впечатлѣніе. Съ нѣкоторой ироніей относится онъ къ мнѣнію князя Мещерского о постановкѣ этой драмы. Кн. Мещерскій взвываетъ «къ русскимъ матерямъ, женамъ и дочерямъ высшаго общества, разучающимъ грубыя сцены около гадкаго предмета, съ скверными подробностями и съ тенденціозностью, грубо искажающей правду»...

Кромѣ генеральной репетиціи, «Власть тьмы» играли у Приселковыхъ еще два дня подъ рядъ. На представлениіи присутствовало все высшее и все интеллигентное общество Петербурга и великие князья. Описала мнѣ это первое представлениѣ моя сестра, Т. А. Кузминская, присутствовавшая и на генеральной репетиціи и на первомъ представлениі. Она пишетъ мнѣ:

«Думала: плохо дѣло! И вдругъ глазамъ не вѣрю, вижу: игра, нарѣчіе—все настоящее. Иные сцены превосходны».

Такъ, напримѣръ, сестра отзываетъ объ игрѣ дѣвочки Оли, въ сценѣ съ Митричемъ:

«Сцена съ Митричемъ была одна изъ лучшихъ. Какъ она постепенно начинала бояться, какъ натурально прислушивалась, что гдѣ-то копаютъ, какъ выражала, что слышитъ пискъ ребенка, и мѣня тонъ, спрашивала: «Дѣдушка, какіе такие дѣтски?» И наконецъ, страхъ ея росъ, и глаза и жесты росли вмѣстѣ; а интонаціи и жесты, отгоняющіе кого-то, когда ей кажется, что ее ловятъ за плечи, были классическіе... Въ послѣднія минуты она скакиваетъ со скамьи и бѣжитъ къ печкѣ, падаетъ и, почти плача, просить Митрича ее взять на печку. Онъ ее поднимаетъ, успокаиваетъ и по-своему ругаетъ бабъ...»

Сцена эта произвела потрясающее впечатлѣніе. Всѣ дамы плачали. Одна изъ нихъ сказала: «Non, comme la petite joue, c'est mѣme dommage...»

Несмотря на огромный успѣхъ «Власти тьмы», ее поставили на Императорскихъ и частныхъ театрахъ только еще черезъ пять лѣтъ. Шла она въ Петербургѣ 18-го октября 1895 года, въ бенефисъ актрисы Васильевой, которая, узнавъ о моемъ прїѣздѣ въ Петербургъ, любезно предоставила мнѣ ложу бельэтажа.

Поѣхала я тогда въ Петербургъ съ дочерью Таней, сыномъ Мишней и его учителемъ А. А. Курсинскимъ.

Исполненіе драмы «Власть тьмы» на петербургской сценѣ мнѣ не понравилось, хотя, повидимому, актеры очень старались. Но чувствовалось, что они играли, а не жили тѣмъ, что представляли. Кроме того, костюмы, декорации—все было не вѣрно. Уговаривали меня еще остаться въ Петербургѣ, смотрѣть эту драму въ Суворинскомъ театрѣ, но я спѣшила домой. Плохо играли эту драму и въ театрѣ Корша, въ Москвѣ. Лучше—въ Маломъ театрѣ, но еще лучше въ народномъ театрѣ «Скоморохъ», гдѣ было 1700 человѣкъ публики, большей частью простонародье. Забавны были замѣчанія вслухъ и возгласы одобренія. Когда Аниутка, прекрасно сыгранная г-жой Кварталовой, сказала: «Оставь, дѣдушка, свѣтъ въ мышиный глазочекъ...» въ публикѣ пронесся гулъ одобренія. На уговоры Акима осужденному, кающемуся Никитѣ, кто-то громко крикнулъ: «Такъ».

Еще играли любители «Власть тьмы» въ Ельцѣ, и, какъ я слышала, играли превосходно. Помню, я писала Льву Николаевичу, что игравшій въ Ельцѣ роль Никиты—М. А. С...ъ весь полонъ «Властью тьмы», не Ѳеть, не спить, и приходитъ въ самый экзальтированный восторгъ. Потомъ ставилъ драму въ Тулѣ Н. В. Д...въ. Приглашали дочерей моихъ участвовать, но я протестовала. Такъ мнѣ и не пришло видѣть исполненіе драмы въ нашемъ городѣ.

Несмотря на успехъ, я была недовольна публикой. Мнѣ все-таки казались недостаточными оцѣнка и пониманіе публики. Я писала тогда Льву Николаевичу: «Какъ хотѣлось бы мнѣ поднять тебя выше, чтобы люди почувствовали, что и имъ нужны крылья, чтобы долетѣть до тебя, чтобы умилялись, читая тебя, чтобы то, что ты напишешь, не обидѣло никого, а сдѣлало бы людей лучше, и чтобы произведенія твои имѣли интересъ и характеръ *вѣчный*».

Левъ Николаевичъ смѣялся надъ прописаннымъ мною ему *рецептомъ*, какъ онъ выразился,—для его литературной работы.

Трудное исполненіе «Власти тьмы» побудило, если не снять эту драму съ репертуара, то давать ее весьма рѣдко. Да и тяжело было всегда впечатлѣніе, производимое этой мрачной правдой «Власти тьмы» въ народѣ.

Въ контрастъ тяжелой драмѣ, въ самомъ началѣ января того же 1890 года, когда драма шла у Приселковыхъ, играли въ первый разъ въ Ясной Полянѣ тоже любители—мои дѣти и многіе наши знакомые и друзья, веселую и смѣшную комедію: «Плоды просвѣщенія». Какъ весело смеялся Левъ Николаевичъ на репетиціяхъ, постоянно исправляя и пополняя комедію новыми красотами!

Гр. Софія Толстая.